

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Ю. Кулькова

**РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УЧАСТИЕ: РОЛЬ ПОЛИТИКИ
В РОССИЙСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ
ОБЩИНАХ**

Препринт WP14/2015/02

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2015

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

Кулькова, А. Ю.

Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах [Электронный ресурс] : препринт WP14/2015/02 / А. Ю. Кулькова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (500 Кб). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – (Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ»). – 48 с.

В работе исследуется взаимосвязь между религиозностью и политическим участием в современной России, чтобы выявить, какие религиозные предикторы – религиозная аффилиация или степень религиозности – лучше объясняют склонность к политическому участию. Результаты статистического анализа, проведенного на данных Европейского социального исследования, интерпретируются с помощью материалов глубинных интервью с представителями российских православных и мусульманских сообществ. Поведенческие измерения религиозности, такие как посещение религиозных мероприятий и совершение молитвы, находятся в устойчивой положительной взаимосвязи со склонностью к политическому участию, в то время как межконфессиональные различия неустойчивы и характерны только для 2012 г. В российских религиозных общинах о политике говорят, политическое участие, как правило, поощряется.

Ключевые слова: политическое участие, религиозность, религия и политика, политическое поведение, смешанные методы, политика в приходах, Россия

В данной научной работе использованы результаты проекта ««Синдром политической ностальгии» в современной России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

Кулькова Анна Юрьевна, младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований; аспирант департамента политической науки НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Кулькова А. Ю., 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

Введение

Тема политического поведения находится в фокусе мировой политической науки с 1950-х годов. Периодически научный интерес к политическому поведению падал, поскольку все его предикторы казались изученными и понятными. Однако изменение социальных, политических и экономических условий неизбежно приводило к изменению и политического поведения, возрождая исследовательский интерес к нему. Перечень факторов, оказывающих влияние на политическое поведение, постоянно расширялся: от социально-демографических и экономических характеристик индивида до интереса к политике, наличия необходимых для участия ресурсов и, конечно, религии [Brady, Verba, Schlozman, 1995; Cho, Gimpel, Wu, 2006]. Как минимум с конца 1970-х годов в США религия рассматривалась в качестве фактора, влияющего на электоральное поведение граждан. Макалузо и Вэнэт показали, что явка на выборы связана со степенью религиозности граждан: американцы, которые регулярно посещают религиозные мероприятия, оказываются одновременно и более активными гражданами. Религия дисциплинирует своих последователей, повышает ценность ответственности [Macaluso, Wanat, 1979]. Дальнейшие исследования демонстрировали различия в политическом поведении между последователями разных религиозных традиций не только в США, но уже и в более секулярной Европе [Beyerlein, Chaves, 2003; Knutsen, 2004; Li, Marsh, 2008; Verba, Schlozman, Brady, 1995]. Другие исследователи придавали большее значение степени религиозности в качестве предиктора политического активизма и находили различия в политическом участии именно между нерелигиозными и религиозными людьми вне зависимости от конфессиональной принадлежности [Harris, 1994; Jones-Correa, Leal, 2001; Wald, Owen, Hill, 1990]. Интерес к религии в качестве предиктора политического поведения не угасает в мировой науке, поскольку, вопреки положениям классической теории секуляризации, религия в XXI в. продолжает оказывать влияние на ценности и поведение людей. В США политики ищут поддержки у религиозных избирателей, в Европе популярностью пользуются христианско-демократические партии. Более того, снижение роли организованной религии (именно как членства в религиозной общине) компенсируется общим подъемом индивидуальной религиозности или духовности. Распространение «веры без принадлежности» (“believing without belonging”) приводит нас к необходимости исследования взаимосвязи между религиозностью и политическим участием в новых условиях [Davie, 1990].

Современная Россия представляет собой интересный кейс для исследования взаимосвязи между религиозностью и политическим активизмом. С 2012 г. в российских СМИ противопоставляются ценности религиозных и светских россиян, а «дело Pussy Riot»

и мобилизация властью консервативного электората приводят к появлению раскола по линии религии. Религиозные россияне представляются в СМИ как политически пассивные и во всем поддерживающие действующую власть, однако существующие научные исследования по другим странам предполагают, что религиозность должна иметь и положительные последствия для политического участия. Поэтому важно понять, связаны ли в современной России религия и политическое участие? Существует ли разница между религиозными и нерелигиозными людьми, православными, мусульманами и атеистами в отношении к политическому участию? Для ответа на этот вопрос в работе проводится статистический анализ взаимосвязи между религиозностью и политическим участием на данных Европейского социального исследования за 2012 г. Под политическим участием в работе будут пониматься такие виды политического активизма, как участие в демонстрациях, подписание петиций, сотрудничество с политическими партиями и НКО и т.п. Религиозность россиян рассматривается комплексно: как религиозная аффилиация (соотнесение себя с какой-то религиозной традицией), как религиозное поведение (посещение религиозных мероприятий и совершение молитвы), а также как степень религиозности, выраженная в оценке индивидом собственной религиозности. Если религиозная сторона жизни российских религиозных общин исследована социологами и религиоведами довольно детально, то отношение общин к политике остается белым пятном. Есть ли в общинах место для политики? Говорят ли священнослужители с верующими о политических событиях и поддерживают ли какие-то политические силы? Ответы на эти вопросы являются принципиально важными для качественной интерпретации полученных результатов статистического анализа, поэтому вторая часть исследования представляет собой анализ проведенных автором интервью с представителями православных и мусульманских общин Москвы.

Как религиозность может влиять на политическое участие?

Для корректного изучения взаимосвязи религиозности и политического участия необходимо сначала определиться со смыслами, которые мы вкладываем в понятия «религиозность» и «политическое участие». Подавляющее большинство современных исследователей рассматривает религиозность как комплексную характеристику, которая выражается в том, что религия влияет на сознание, поведение, отношения индивидов и социальных групп [Allport, Ross, 1967; Christiano, 2001; Jong De, Faulkner, Warland, 1976; Бреская, 2011; Филатов, Лункин, 2005]. Д. Бэтсон предполагал, что религиозность может принимать форму поиска ответов: индивид рассматривает религию как источник возможных ответов на вечные вопросы, но не истину в последней инстанции [Batson, 1976]. «Поисковая

ориентация» может проявляться у людей, которые не являются строгими последователями какой-то религиозной традиции, но при этом верят в высшие силы и ищут источник духовности в жизни. В работе принципиально не используется термин «воцерковленность» как применимый только к представителям православного христианства, в то время как проводимый анализ является кроссконфессиональным по своей сути. Кроссконфессиональность исследования обязывает использовать термины, которые были бы в максимально равной степени применимы ко всем изучаемым религиозным традициям.

Политическое участие индивидов, как оно понимается в этой работе, – это действия, целью которых является оказание влияния на власть, государственную политику. К категории политического участия можно отнести голосование, участие в партийной работе, посещение демонстраций, участие в забастовках, публичное выражение своей политической позиции [Claggett, Pollock, 2006; Verba, Nie, 1972; Гельман, 2001]. Несмотря на то, что некоторые исследователи разделяют политическое и гражданское участие, относя к последнему «коллективное действие, которым не движет непосредственно желание изменить государственную политику» [Theiss-Morse, Hibbing, 2005; Zukin et al., 2006], в этой работе игнорировать гражданское участие было бы неправильно. Чрезвычайно сложно определить, где проходит грань между политическим и гражданским участием. Общественная организация, которая занимается адресной помощью малообеспеченным, де-юре не является политической, однако сотрудники, скорее всего, будут так или иначе взаимодействовать с государственными органами и влиять на их работу. Таким образом, действия, совершаемые «без намерения оказать влияние на власть», будут на самом деле влиять на власть, а значит, представлять собой одну из форм политического участия. С другой стороны, полезным может быть ставшее классическим разделение политического участия на электоральное и неэлекторальное [Verba, Nie, 1972]. Электоральное участие включает в себя все формы активности, связанные с выборами: голосование, участие в партийной работе и электоральной кампании. Все остальные виды активизма, непосредственно не связанные с электоральным процессом, относятся к неэлекторальному участию. Эта типология представляется более выигрышной, чем предыдущая, поскольку здесь та же работа в общественных организациях может быть отнесена к неэлекторальному, но все-таки политическому участию.

Систематизируя существующие исследования взаимосвязи религии и политического участия, П. Визлхауэр выделяет три основных измерения религиозности, которые могут по-разному оказывать влияние на политическое участие [Wielhouwer, 2009].

Во-первых, самым очевидным измерением религиозности является принадлежность индивида к религиозной традиции. Общая религиозная традиция предполагает наличие

у верующих общих ценностей относительно социальных и политических вопросов, от восприятия прав сексуальных меньшинств до отношения к политическому участию [Philpott, 2007]. Как следствие, исследователи фиксируют различия в политическом активизме между представителями разных конфессий: в США самыми активными избирателями оказываются иудеи и евангелисты, а в Британии проявляется разница между политически активными атеистами и индуистами, которые гораздо менее склонны к любому виду участия в политике [Li, Marsh, 2008; Wielhouwer, 2009]. Таким образом, принадлежность к той или иной конфессии может в серьезной мере предопределять специфику политического участия индивида, поскольку он будет более склонен участвовать в тех видах политической деятельности, которые приняты и одобряемы в его общине. Религиозная аффилиация может влиять на политическое участие также и через организационное устройство общин. Высокий уровень внутриобщинной дисциплины приводит к появлению феномена политического единообразия членов общины, что выражается в консолидированной поддержке одобряемых в общине политиков и видов политического активизма [Wald, Owen, Hill, 1990]. Использовать религиозную аффилиацию в статистических исследованиях нужно с осторожностью: ценности и поведенческие паттерны представителей одной и той же конфессии могут значительно различаться не только в разных странах, но даже и разных регионах одной и той же страны. Причиной различий может быть разный опыт взаимоотношений с властью, а также тот факт, является ли эта религиозная традиция доминирующей в регионе, или ее последователи составляют только меньшинство.

Во-вторых, религиозность может быть не только аскриптивной (соотнесение себя с религиозной традицией), но и активной – выражаться в религиозном поведении. Понимание религиозности как религиозного участия восходит к работам Эмиля Дюркгейма, в представлении которого религиозные ритуалы служат для формирования групповой солидарности и укрепляют связи между индивидами внутри общества. Бихевиоральный аспект религиозности операционализируется через частоту посещения индивидом религиозных служб и мероприятий религиозной общины. Странники этого понимания религиозности полагают, что в современном постсекулярном мире основной политический раскол проходит не между представителями разных конфессий, но между религиозными и нерелигиозными людьми [Esmer, Pettersson, 2007]. С такой точки зрения религиозная община является не только сообществом людей со сходными убеждениями, но и агентом социализации, который распространяет свои ценности среди последователей [Wald, Owen, Hill, 1990]. Церкви могут принимать активное участие в электоральной мобилизации верующих, поскольку имеют непосредственную возможность убеждать прихожан в необходимости политических действий или голосовании за конкретного кандидата

[Gershtenson, 2003]. Таким образом, регулярное посещение религиозных мероприятий повышает шансы индивида подвергнуться влиянию консервативного движения.

Взаимосвязь между религиозным и политическим участием не исчерпывается влиянием, которое оказывают внутриобщинные нормы на индивидуальное политическое поведение. Макалузо и Вэнэт полагают, что необходимость регулярно посещать церковь формирует у человека навыки, сходные с гражданскими, а также повышает его чувство социальной и политической ответственности. «Наиболее религиозные люди придают большое значение порядку, ритуалам, долгу и легитимности, а это именно те психологические черты, которые собственно и отвечают за чувство гражданской ответственности» [Macaluso, Wanat, 1979]. С другой стороны, религиозное участие может приводить и к участию политическому, поскольку у человека формируется «привычка участвовать».

Используя поведенческие измерения религиозности в статистическом анализе, нужно помнить, что религии предъявляют к своим последователям разные требования в том, что касается совершения религиозных ритуалов (обязательности посещения религиозных служб или совершения молитвы): к примеру, действия, которые являются обязательными для мусульманина, не будут такими для буддиста [Esmer, Pettersson, 2007]. С другой стороны, простой подсчет числа посещений религиозных мероприятий ни в коей мере не отражает тех верований, которые лежат в основе религиозных воззрений индивида: вне поля зрения остается мотивация индивида к религиозному участию и действительная степень его религиозности.

Критики «простых» пониманий религиозности предлагают обратить внимание на содержательную сторону религиозности, а не только на количественные ее проявления и религиозную аффилиацию. Именно религиозные верования составляют принципиальную разницу между религиями и в значительной степени определяют поведенческие паттерны верующих. Верования можно понимать как отношение к Богу и его роли в земных делах, а также как ориентацию индивида на «мир небесный» или «мир земной». Индивиды, которые приписывают большую роль Богу в повседневных делах и серьезно относятся к жизни после смерти, оказываются менее активными в политике в сравнении с «религиозными либералами», ответственно относящимися к политической жизни. С другой стороны, буквальное или фигуральное отношение к священным текстам может быть индикатором фундаментализма и иметь последствия скорее для того, в каких именно политических действиях принимает участие человек, чем для склонности к политическому участию в целом [Driskell, Embry, Lyon, 2008]. Если раньше считалось, что религиозный фундаментализм ведет к абсентеизму, потому что община замыкается в себе, то сегодня

религиозные консерваторы активно участвуют в политическом процессе, особенно когда в повестку дня включаются такие вопросы, как допустимость абортов, права женщин и сексуальных меньшинств [Guth, Green, Kellstedt, Smidt, 2002].

Из-за того, что верования и религиозное участие различаются между конфессиями, в массовых опросах часто присутствует дополнительный индикатор степени религиозности индивида – насколько респондент сам себя считает религиозным или насколько для него важна религия [Пруцкова, 2012]. Такая постановка вопроса позволяет респонденту выразить свое субъективное отношение к религии, а результаты могут быть сопоставимы между представителями разных конфессий без учета содержательной стороны религиозности.

Идеального индикатора религиозности не существует, поэтому в начале 2000-х годов исследователи стали все чаще применять комплексный подход к операционализации религиозности, подразумевающий одновременное использование религиозной принадлежности, религиозного участия и верований в качестве переменных, объясняющих склонность людей к политическому участию [Driskell, Embry, Lyon, 2008; Guth et al., 2002]. Одновременное включение этих переменных в статистический анализ позволяет сравнить эффект, который разные грани религиозности оказывают на политическое участие индивидов, и выявить, какой из религиозных предикторов объясняет политическое участие лучше.

Статистический анализ взаимосвязи религиозности и политического участия

Рассмотренные теоретические подходы предлагают множество вариантов того, как религиозность может влиять на политическое участие, и теперь нам важно понять, как религиозность влияет на политическое участие в современной России.

Во-первых, можно предположить, что религиозность оказывает влияние на политическое участие россиян (H1): ценности верующих и неверующих, воцерковленных и не принадлежащих к религиозным общинам могут различаться, что в свою очередь может оказывать влияние на склонность этих людей к политическому участию. Однако стандартной для общероссийских опросов является ситуация, когда количество респондентов, отождествляющих себя с той или иной конфессией, превышает количество верующих на 20–30%: православные или мусульмане не обязательно являются верующими. «Исторически традиционные конфессии в массовом сознании занимают место культуuroобразующей составляющей в общей системе ценностей духовной жизни того или иного народа» [Кублицкая, 2009]. Иными словами, если человек считает себя русским, то для него это тождественно принадлежности к православной культурной традиции, а если татарин, то это тождественно принадлежности к исламу. В то же время распространенность религиозных

верований сочетается с низким уровнем религиозного участия, который сильно различается между разными конфессиями: в традиционных российских религиях (православие, ислам и буддизм) уровень участия является довольно низким (менее 30%), поскольку в массовом сознании это скорее культурные, нежели религиозные традиции. Среди малочисленных конфессий (особенно протестантов и католиков) уровень религиозного участия значительно выше (более 50%), что объясняется строгой внутренней дисциплиной этих религиозных традиций. Таким образом, самоидентификация человека с какой-то религиозной традицией может ничего не говорить о его верованиях и ценностях, но степень религиозности является скорее личной, индивидуальной и более осмысленной характеристикой человека: он самостоятельно выбирает, насколько сильно верить и как много времени уделять духовным практикам. Исходя из этого предположим, что степень религиозности человека является более значимым предиктором политического участия в России в сравнении с конфессиональной принадлежностью (H2). Наконец, общины массовых российских религиозных традиций характеризуются низким уровнем политизированности: в них не принято агитировать за кандидатов или партии, организовывать коллективное действие в поддержку избирательных кампаний. Это означает, что вовлеченность человека в дела общины вряд ли будет положительно влиять на его склонность к участию в политике. Если для человека важна религия, он часто посещает религиозные службы и мероприятия, на которых его не призывают участвовать, то он будет уделять свое время скорее религии, нежели политике. Итак, последняя гипотеза заключается в том, что степень религиозности находится в отрицательной взаимосвязи с политическим участием: чем чаще человек посещает религиозные службы и чем важнее для него Бог и религия, тем меньше он будет склонен к политическому участию (H3).

Описание массива данных

Для проведения статистического анализа в работе используются данные Европейского социального исследования (ESS), опросы в рамках шестой волны которого прошли осенью 2012 г. После обработки база по России содержит более 1800 наблюдений, где в качестве единиц анализа выступают индивиды. Опросы ESS проводятся по случайной репрезентативной выборке. 2012 г. в России был отмечен ростом политической активности среди как сторонников действующего режима, так и среди оппозиционеров. В декабре 2011 г. прошли выборы депутатов Государственной думы, а в марте 2012 г. – выборы президента РФ, а также выборы в муниципальные органы власти. Таким образом, граждане России в 2012 г. имели множество поводов и возможностей совершить политические действия, как минимум, проголосовать на выборах любого уровня, а также посетить митинг

сторонников или противников режима. Более того, в феврале 2012 г. прошел «панк-молебен» группы Pussy Riot в Храме Христа Спасителя, вызвавший ожесточенную дискуссию между защитниками и критиками Русской православной церкви. Впоследствии возбуждение уголовного дела и суд над участницами группы лишь усилили общественную поляризацию, еще сильнее разделив условных атеистов и условных православных. Наконец, в апреле 2012 г. произошел скандал с часами Патриарха Кирилла, которые «исчезли» с фотографии, опубликованной на сайте Московской Патриархии. Таким образом, именно в 2012 г. становится заметным общественный дискурс противопоставления религиозных и светских ценностей, касающихся, в том числе, и образа жизни, и отношения к политике. И именно на данных по 2012 г. особенно интересно проверить, есть ли разница в политическом участии между православными и атеистами. Для проверки устойчивости статистической модели во времени будут использоваться данные опросов ESS по 2010 и 2008 г. в России. Сопоставление результатов по разным годам покажет, повлияли ли политические события на взаимосвязь между религиозностью и политическим участием.

Описание переменных и моделей

В качестве зависимой переменной в данной работе будет использоваться политическое участие россиян, для которого в базе ESS можно выделить восемь индикаторов:

- 1) обращение к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти;
- 2) участие в работе политической партии, группы, движения;
- 3) участие в работе какой-либо другой общественной организации или объединения;
- 4) ношение или вывешивание символики какой-либо политической, социальной, гражданской, экологической или какой-либо иной акции или организации и т.п.;
- 5) подписание петиций, обращений, открытых писем;
- 6) участие в разрешенных демонстрациях;
- 7) бойкот, отказ от покупки или потребления каких-либо товаров или услуг, чтобы выразить свой протест;
- 8) голосование на выборах в Госдуму 2011 г.

Все эти переменные принимают значение равное единице, если респондент совершал действие, описанное в вопросе, за прошедший год, и равное нулю, если респондент данного политического действия не совершал. Так как эти переменные являются бинарными, то для того чтобы проанализировать, как на них влияет религиозность, будет использоваться модель бинарной логистической регрессии. Отношение респондентов к разным видам политического участия может различаться, поэтому важно оценить взаимосвязь между

религиозностью и комплексным индикатором религиозности – индексом политического активизма. Индекс рассчитывается для каждого респондента путем суммирования положительных ответов на вопросы о совершенных политических действиях и принимает значения от нуля (респондент не совершил ни одного политического действия) до восьми (респондент совершил все перечисленные действия). Таблица 1 иллюстрирует, как часто индекс политического участия принимает те или иные значения. Большинство респондентов за исследуемый период приняли участие только в одном виде политической активности и, как правило, это было голосование на выборах в Госдуму. Никто из респондентов не предпринимал всех политических действий, и только четверо совершили семь политических действий. Более 28% индивидов из выборки в принципе не участвовали в политике за прошедший период.

В качестве независимой переменной в работе выступает индивидуальная религиозность, которая операционализируется несколькими способами: как религиозная аффилиация, частота посещения религиозных мероприятий и совершения молитвы, а также как оценка индивидом собственной религиозности.

Таблица 1. Индекс политического участия: описательная статистика

Значения индекса ПУ	<i>N</i>	Доля в выборке, %
0	537	28,52
1	1041	55,28
2	133	7,06
3	100	5,31
4	39	2,07
5	20	1,06
6	9	0,48
7	4	0,21
	1883	100

Индекс политического участия – количество политических действий, совершенных респондентом за прошедший год.

Религиозная аффилиация операционализируется через ответ на следующие два вопроса: «Считаете ли Вы себя последователем какой-либо религии, вероисповедания?» и «Какой именно?». При ответе на первый вопрос выделяются люди, которые не относят себя ни к какой религиозной традиции, а второй вопрос задается только тем, кто ответил положительно на первый, и позволяет идентифицировать конфессиональную принадлежность респондента. Варианты ответа включают в себя следующие опции: православное христианство, протестантизм, католичество, ислам, буддизм, а также отсутствие религиозной аффилиации. Не идентифицировать себя с конфессией могут не

только атеисты, но и верующие «без церкви», самостоятельно, а также колеблющиеся, агностики. Тем не менее отождествление таких респондентов с условными атеистами допустимо, поскольку индикатор религиозной аффилиации необходим для выявления того, является ли индивид последователем какой-то религиозной традиции и носителем соответствующих идей, а не того, является ли он верующим. Таким образом, под условными атеистами в этой работе будут пониматься респонденты, которые не отождествляют себя ни с какой религиозной традицией и не принадлежат ни к какой религиозной общине. Из-за малочисленности в выборке (и генеральной совокупности) католиков, протестантов и буддистов при проведении статистического анализа следует с осторожностью относиться к коэффициентам при этих религиозных традициях: попавшие в выборку представители данных традиций могут быть совсем нетипичными (табл. 2). Переменная «религиозная аффилиация» является по природе категориальной и в модели будет включаться в виде дамми с базовым уровнем «отсутствие аффилиации с религиозной традицией», что позволит выявить различия в склонности к политическому участию между условными атеистами и людьми, которые относят себя к какой-то религиозной традиции.

Таблица 2. Принадлежность к религиозной традиции: описательная статистика

Религиозная аффилиация	<i>N</i>	Доля в выборке, %
Без традиции	805	42,75
Православные	936	49,71
Мусульмане	120	6,37
Буддисты	10	0,53
Католики	3	0,16
Протестанты	9	0,48
	1883	100

Религиозная аффилиация операционализируется через ответ на следующие два вопроса: «Считаете ли Вы себя последователем какой-либо религии, вероисповедания?» и «Какой именно?».

Религиозная аффилиация совсем не означает, что человек является действительно религиозным, участвует в делах общины и соблюдает предписанные религией ритуалы. Чтобы отделить влияние, которое религиозность оказывает на политическое участие, от влияния представлений о себе в качестве православного или атеиста, в статистическом анализе используются количественные измерения религиозности. Частота посещения религиозных мероприятий отражает то, является ли индивид в принципе религиозным. Безусловно, посещение религиозных мероприятий не тождественно вовлеченности в дела общины, поскольку можно посещать религиозные службы и не контактировать при этом с другими верующими. Однако это единственный доступный нам индикатор взаимодействия

индивида с другими верующими. Поэтому использование и интерпретация влияния этого индикатора на политическое участие основаны на довольно серьезном допущении о том, что посещение религиозных мероприятий означает также некоторые контакты с общиной. С другой стороны, присутствие на религиозной службе автоматически является индикатором подверженности влиянию священнослужителя, который может высказывать некоторые идеи. Таким образом, об этом допущении необходимо помнить при анализе влияния частоты посещения религиозных служб на политическое участие, но не игнорировать полностью социальную природу посещения религиозных мероприятий. Для измерения используется ответ на вопрос: «Если не считать особые случаи, такие как свадьбы или похороны, как часто в последнее время Вы посещаете религиозные службы?». В свою очередь, частота совершения молитвы это скорее личное, а не социальное измерение религиозности, как в случае посещения религиозных мероприятий. Для регулярного совершения молитвы вне стен храма необходимо чувство долга и ответственности, самодисциплина. Для измерения частоты совершения молитвы используется ответ на вопрос: «Кроме тех случаев, когда Вы посещаете религиозные службы, как часто Вы молитесь, если вообще это делаете?». Такая постановка, в частности, помогает оценить степень религиозности людей, у которых нет возможности посещать религиозные мероприятия, но они от этого не становятся менее религиозными. Шкалы ответов для этих переменных совпадают. Переменные могут принимать значения от единицы, что означает, что респондент в принципе не посещает религиозные службы или не молится, до семи – респондент посещает религиозные службы или молится каждый день. Если доля респондентов, посещающих религиозные службы каждый день, довольно мала (0,85%), то молятся каждый день более 16% опрошенных. Количество же тех, кто никогда не совершает молитву, больше не посещающих религиозные мероприятия на 5%: некоторые респонденты все-таки заглядывают в храм, но не молятся (табл. 3).

Наконец, во всех статистических моделях используется компромиссный индикатор религиозности – «оценка собственной религиозности» респондента. Вопрос ставится следующим образом: «Независимо от того, являетесь Вы последователем какой-либо религии или нет, скажите, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя считаете?», что позволяет респонденту заявить о себе как о религиозном человеке вне контекста следования религиозным нормам и совершения ритуалов. Переменная «оценка собственной религиозности» может принимать значения от нуля до десяти, где нуль означает, что респондент совсем не религиозен, а десять – очень религиозен (табл. 4). Этот индикатор религиозности может послужить хорошим дополнением измерения религиозности как аффилиации и религиозного поведения, поскольку показывает, как сам респондент себя воспринимает. В качестве недостатка данного индикатора можно выделить

шкалу ответов, из которой неясно, что конкретно означают и как измеряются промежуточные варианты ответов между слабой и сильной религиозностью.

Таблица 3. Частота посещения религиозных мероприятий и совершения молитвы: описательная статистика

Частота	Посещение религиозных мероприятий		Совершение молитвы	
	N	Доля в выборке, %	N	Доля в выборке, %
Каждый день	16	0,85	305	16,20
Чаще раза в неделю	27	1,43	120	6,37
Раз в неделю	95	5,05	96	5,10
Как минимум раз в месяц	214	11,36	134	7,12
Только по религиозным праздникам	453	24,06	191	10,14
Реже	434	23,05	285	15,14
Никогда	644	34,20	752	39,94
	1883	100	1883	100

Посещение религиозных мероприятий операционализируется как ответ на вопрос «Если не считать особые случаи, такие как свадьбы или похороны, как часто в последнее время Вы посещаете религиозные службы?». Совершение молитвы – «Кроме тех случаев, когда Вы посещаете религиозные службы, как часто Вы молитесь, если вообще это делаете?».

Таблица 4. Оценка собственной религиозности: описательная статистика

Степень религиозности	N	Доля в выборке, %
Совсем не религиозен	213	11,31
1	132	7,07
2	147	7,81
3	193	10,25
4	147	7,81
5	367	19,49
6	205	10,89
7	199	10,57
8	159	8,44
9	55	2,92
Очень религиозен	66	3,51
	1883	100

Степень религиозности измеряется как ответ на вопрос «Независимо от того, являетесь Вы последователем какой-либо религии или нет, скажите, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя считаете?».

Для того чтобы корректно оценить влияние религиозности на политическое участие, необходимо использовать контрольные переменные. Классическими контрольными предикторами в исследованиях политического поведения являются социоэкономические характеристики индивида, такие как пол, возраст, образование и доход. Склонность к конвенциональному политическому участию, как и религиозность, увеличивается с возрастом, хотя молодежь может быть весьма активной в демонстрациях и протестах. Женщины, как правило, менее активны в политике, нежели мужчины, однако в последние годы эта тенденция начинает меняться. Таким образом, молодые люди и пожилые, женщины и мужчины могут различаться в том, в каких видах политической активности они принимают участие. Если до 2000-х годов предполагалось, что более высокий социально-экономический статус индивида приводит к большей склонности к политическому участию, то исследования нулевых годов свидетельствуют о том, что влияние уровня доходов на политическое участие может быть разнонаправленным [Cho, Gimpel, Wu, 2006]. С одной стороны, люди, располагающие материальными ресурсами, имеют возможность выделить время для получения информации о политике и выразить свое мнение каким-то доступным способом. Для владельцев собственности важным является, кто стоит у власти и какие законы принимает. С другой стороны, граждане с низкими доходами будут активно участвовать в политической жизни страны, пытаясь защитить свои права и улучшить качество жизни, в то время как богатые имеют тенденцию отстраняться от политического процесса и не участвовать ни в каких видах политической активности. Можно предположить, что для современной России, учитывая особенности ее политического режима и социальной структуры, будет характерен именно второй сценарий: пока экономические верхи отказываются от всех форм публичного политического участия, низам и «среднякам» приходится в политике участвовать, защищая свои интересы.

В дополнение к классическим социально-экономическим переменным в качестве контроля также будет использоваться федеральный округ, где проживает респондент. Это позволит учесть региональные особенности политического участия и религиозности.

В работе представлено несколько статистических моделей, в которых используются два типа регрессий – пуассоновская и логистическая. Если зависимой переменной является индекс политического участия, то применяется пуассоновская модель регрессии, позволяющая брать в качестве зависимой переменной сумму случайных событий. Для оценки влияния религиозности на отдельные виды политического участия будет использоваться бинарная логистическая регрессия. Во все модели включается описанный выше набор контрольных переменных: пол, возраст, образование, доход респондента и федеральный округ.

Коэффициенты при переменных в пуассоновской и логистической моделях регрессии интерпретируются не напрямую (как в линейной) и не отображают изменение зависимой переменной при изменении независимой на единицу. Чтобы оценить эффект каждой значимой религиозной переменной на политическое участие, необходимо подсчитать экспоненту коэффициента при данной переменной. Полученный результат будет означать процентную разницу шансов на совершение политического действия между представителями разных религиозных традиций или респондентов с разной степенью религиозности соответственно. Знак при коэффициенте означает положительное или отрицательное воздействие данной переменной на склонность к политическому участию.

Результаты статистического анализа

Для начала рассмотрим модель, в которой в качестве зависимой переменной выступает аддитивный индекс политического участия (табл. 5). Из первого столбца видно, что респонденты, соотносящие себя с православием и исламом, менее склонны к политическому участию, чем атеисты. Важно заметить, что разница между конфессиями проявляется только при учете других религиозных характеристик респондента и не является следствием представлений респондента о себе как последователе какой-то религиозной традиции: без учета степени религиозности статистической разницы в склонности к политическому участию между конфессиями нет. Посещение религиозных мероприятий оказывает положительный эффект на политическое участие, как при учете других религиозных предикторов, так и при включении в модель индивидуально (третий столбец). Таким образом, респонденты, которые в большей степени вовлечены в дела своей общины, будут более активны политически. Возможно также, что социальная активность влечет за собой активность политическую, а также появление ответственности за будущее своего локального сообщества, которое нужно отстаивать политическими методами. С другой стороны, регулярное посещение религиозных мероприятий требует от индивида высокой самодисциплины и ответственности, что как раз и может положительно влиять на политический активизм.

Таблица 5. Влияние религиозности на политическое участие (аддитивный индекс)

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Религиозная аффилиация (в сравнении с респондентами без религиозной аффилиации)					
Православие	-0,141** (0,061)	-0,027 (0,049)			
Ислам	-0,205* (0,112)	-0,011 (0,100)			
Буддизм	-0,069 (0,308)	0,086 (0,304)			
Католицизм	-0,135 (0,579)	-0,029 (0,579)			
Протестантизм	-0,204 (0,318)	0,311 (0,305)			
Посещение религиозных служб	0,100*** (0,023)		0,079*** (0,017)		
Совершение молитвы	0,024 (0,014)			0,030*** (0,010)	
Оценка собств. религиозности	-0,017 (0,012)				0,006 (0,009)
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-0,693*** (0,128)	-0,712*** (0,124)	-0,785*** (0,124)	-0,728*** (0,122)	-0,730*** (0,126)
N	1,883	1,883	1,883	1,883	1,883

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Таблица 6. Корреляционный анализ взаимосвязи посещения религиозных мероприятий и совершения молитвы

	Посещение религиозных служб	Совершение молитвы
Посещение религиозных служб	1	
Совершение молитвы	0,627***	1

Аналогично совершение молитвы оказывает положительный эффект на политическое участие, однако только в неполной модели (четвертый столбец). В полной модели эффект от совершения молитвы перекрывается другими религиозными предикторами, особенно частотой посещения религиозных служб. Коэффициент корреляции между частотой посещения религиозных служб и совершением молитвы является положительным и довольно сильным (0,63 на 99% уровне значимости), что позволяет говорить о том, что данные переменные взаимосвязаны. Полная же модель показывает, что при учете всех

религиозных предикторов посещение религиозных мероприятий оказывается важнее совершения молитвы для объяснения политического участия. Наконец, оценка собственной религиозности респондента не влияет на его политический опыт ни «в одиночку», ни в сочетании с другими религиозными характеристиками индивида. Иными словами, желание человека участвовать в политике не зависит от того, насколько религиозным он сам себя считает.

Результаты статистического анализа взаимосвязи религиозности и индекса политического участия подтверждают, что совокупная политическая активность индивида зависит от специфики его религиозности. Однако религиозность может по-разному влиять на разные компоненты индекса политического участия: к примеру, голосование и участие в работе общественной организации – это принципиально разные действия, мотивация для совершения которых у индивидов может серьезно различаться.

Рассмотрим, прежде всего, как разные компоненты религиозности влияют *на участие респондента в выборах* депутатов Государственной думы 2011 г. (табл. 7). Здесь количественные измерения религиозности (посещение религиозных мероприятий и совершение молитвы) не влияют на участие в голосовании, что означает, что более ответственные в сфере религии индивиды не будут более ответственными политически. Возможно, это связано с тем, что волеизъявление зависит не от степени религиозности, но от того, во что человек верит. Это предположение косвенно подтверждается значимыми различиями в склонности к голосованию между атеистами и мусульманами: без учета степени религиозности принадлежность респондента к исламу снижает его шансы на участие в голосовании на 45% в сравнении с атеистами. Мусульмане голосуют гораздо меньше, чем атеисты, причем этот эффект не может объясняться отсутствием избирательного права: все мусульмане из выборки являются гражданами РФ и проживают преимущественно в национальных республиках. Эффект сохраняется и даже усиливается при включении в модель других религиозных предикторов: зафиксировав степень религиозности, можно увидеть, что принадлежность респондента к исламу снижает его шансы на участие в голосовании уже на 51% в сравнении с атеистами. Оценка собственной религиозности индивида оказывает, как это ни странно, положительное влияние на склонность к голосованию, но эффект проявляется только в полной модели. Так, учитывая конфессиональную принадлежность и количественные проявления религиозности, увеличение показателя оценки собственной религиозности индивида на единицу даст 5%-й рост шансов на участие в голосовании. Можно предположить, что в этом случае оценка индивидом собственной религиозности выступает в качестве заменителя количественных

измерений степени религиозности и оказывает аналогичный с ними по направлению эффект на склонность к голосованию, как к проявлению политического участия.

Таблица 7. Влияние религиозности на голосование на выборах депутатов Государственной думы 2011 г.

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Религиозная аффилиация (в сравнении с респондентами без религиозной аффилиации)					
Православие	0,122 (0,138)	0,214* (0,110)			
Ислам	-0,712*** (0,223)	-0,601*** (0,190)			
Буддизм	-0,7 (0,609)	-0,57 (0,587)			
Католицизм	-1,526 (1,544)	-1,495 (1,481)			
Протестантизм	0,431 (0,686)	0,455 (0,640)			
Посещение религиозных служб	-0,029 (0,056)		-0,001 (0,039)		
Совершение молитвы	-0,011 (0,033)			0,006 (0,024)	
Оценка собств. религиозности	0,051* (0,027)				
Контроли	Да	Да	Да	Да	
Константа	-1,489*** (0,273)	-1,379*** (0,265)	-1,438*** (0,262)	-1,442*** (0,260)	
N	1,883	1,883	1,883	1,883	

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

В неполной модели, однако, оценка собственной религиозности на склонность к голосованию не влияет, таким образом, она важна, только если зафиксировать остальные религиозные предикторы. Любопытно, что принадлежность к православию в неполной модели оказывает положительное влияние на склонность к голосованию, однако эффект пропадает, если зафиксировать степень религиозности респондентов: межконфессиональная вариация в склонности к политическому участию в неполной модели проявляется за счет религиозной идентичности, но не религиозности как таковой. Однако к эффекту и от оценки собственной религиозности, и от принадлежности к православию нужно относиться с осторожностью, поскольку эти предикторы чувствительны к включению в модель или исключению из нее других религиозных предикторов, а коэффициенты при них значимы только на 90%-м уровне значимости.

На *контакты с политиками*, государственными органами и общественными организациями позитивно влияют количественные измерения религиозности, причем как в полной, так и в неполной моделях (табл. 8). В качестве возможного объяснения здесь опять может выступать чувство ответственности, присущее религиозно активным людям, которое мотивирует индивидов решать локальные проблемы.

Таблица 8. Влияние религиозности на обращение к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Религиозная аффилиация (в сравнении с респондентами без религиозной аффилиации)					
Православие	-0,381 (0,238)	-0,073 (0,187)			
Ислам	-0,093 (0,406)	0,523* (0,316)			
Буддизм	-0,133 (1,115)	0,304 (1,062)			
Католицизм	1,502 (1,023)	1,771 (1,363)			
Протестантизм	0 0	0 0			
Посещение религиозных служб	0,341*** (0,085)		0,264*** (0,056)		
Совершение молитвы	0,105** (0,053)			0,108*** (0,036)	
Оценка собств. религиозности	-0,110** (0,049)				0,007 (0,031)
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-3,620*** (0,493)	-3,760*** (0,477)	-4,019*** (0,481)	-3,776*** (0,469)	-3,709*** (0,481)
N	1,874	1,874	1,883	1,883	1,883

В скобках приведены робастные стандартные ошибки/

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$ /

Оценка собственной религиозности, как и в предыдущей модели, является значимым предиктором только в первой модели. Однако если голосовать более религиозный респондент будет более склонен, то на контакты с политиками и государством оценка собственной религиозности влияет негативно. Значимых межконфессиональных различий по этому критерию нет: от атеистов отличаются только мусульмане, причем эти различия пропадают, если включить в модель другие религиозные предикторы. Таким образом, основными «религиозными» источниками вариации в контактах респондентов с политиками, государством и общественными организациями являются посещение религиозных служб и совершение молитвы. Увеличение показателя посещения религиозных мероприятий на

единицу дает 41%-е увеличение шансов на контакты с политиками (30% разницы в неполной модели). Эффект от совершения молитвы несколько меньше, но устойчив: изменение этой переменной на единицу приведет к увеличению шансов на контакты с политиками на 11% как в полной, так и в неполной моделях.

Из всех религиозных предикторов на участие респондентов в *партийной деятельности* оказывает влияние только религиозная аффилиация (табл. 9). Принадлежность к православной религиозной традиции снижает шансы респондента на партийную работу на 44% в сравнении с атеистами в полной модели и на 40% – в неполной. Выявленный эффект можно считать достаточно стабильным, поскольку он заметен как в полной, так и в неполной модели, однако проявляется только на 90%-м уровне значимости.

Таблица 9. Влияние религиозности на участие в работе политической партии, группы, движения

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Религиозная аффилиация (в сравнении с респондентами без религиозной аффилиации)					
Православие	-0,586* (0,330)	-0,516* (0,288)			
Ислам	0,34 (0,463)	0,496 (0,440)			
Буддизм	0,921 (1,116)	1 (1,094)			
Католицизм	0 0	0 0			
Протестантизм	0 0	0 0			
Посещение религиозных служб	0,159 (0,112)		0,076 (0,100)		
Совершение молитвы	0,011 (0,071)			-0,002 (0,059)	
Оценка собств. религиозности	-0,043 (0,056)				-0,029 (0,048)
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-4,836*** (0,742)	-4,888*** (0,723)	-4,904*** (0,718)	-4,827*** (0,710)	-4,722*** (0,727)
N	1,871	1,871	1,883	1,883	1,883

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

В сравнении с атеистами православные респонденты также меньше склонны к *работе в общественных организациях*: коэффициент при православии значим на 99%-м уровне значимости и отрицателен в обеих моделях (табл. 10). Причем разница между атеистами и православными усиливается при учете других религиозных характеристик респондентов.

Так, принадлежность к православию в неполной модели снижает шансы на работу в общественных организациях на 52% в сравнении с атеистами, а если учесть степень религиозности, то разница шансов будет составлять 72%. По отношению к общественным организациям от атеистов отличаются еще и мусульмане. В полной модели мусульмане оказываются еще менее склонными к работе в общественных организациях, чем православные респонденты: в сравнении с атеистами у мусульман на 73% меньше шансов на сотрудничество с общественной организацией. Посещение религиозных служб, напротив, оказывает позитивный эффект на сотрудничество с общественными организациями: 50%-й рост шансов на работу в общественных организациях с возрастанием показателя посещения религиозных служб. Многие общины занимаются помощью нуждающимся, иногда эта деятельность ведется в рамках общественных организаций. Таким образом, респонденты, которые активно вовлечены в дела своей общины, занимаются также и принятой в общине благотворительностью или иной деятельностью.

Таблица 10. Влияние религиозности на участие в работе общественной организации или объединения

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Религиозная аффилиация (в сравнении с респондентами без религиозной аффилиации)					
Православие	-1,275*** (0,284)	-0,731*** (0,230)			
Ислам	-1,301** (0,548)	-0,306 (0,445)			
Буддизм	0 (0)	0 (0)			
Католицизм	1,497 (0,912)	1,952* (1,113)			
Протестантизм	0 (0)	0 (0)			
Посещение религиозных служб	0,406*** (0,098)		0,242*** (0,071)		
Совершение молитвы	0,029 (0,068)			0,029 (0,047)	
Оценка собств. религиозности	0,010 (0,0509)				0,007 (0,040)
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-4,563*** (0,616)	-4,385*** (0,587)	-4,815*** (0,594)	-4,550*** (0,582)	-4,555*** (0,600)
N	1,864	1,864	1,883	1,883	1,883

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Таблица 11 показывает, что в *демонстрации политической символики* православные респонденты также оказываются менее активными, чем условные атеисты: здесь принадлежность к православию дает снижение шансов на ношение символики на 46% в сравнении с атеистами. Аналогично посещение церкви и в этой модели оказывает стабильный позитивный эффект на данный вид политического участия (25% и 18% разница шансов в полной и неполной моделях соответственно). Эффект от совершения молитвы также положителен и стабилен: на 26% и 11% увеличиваются шансы на ношение символики с увеличением частоты совершения молитвы. Помимо прочего, ношение символики зависит от оценки индивидом собственной религиозности. Так респонденты, которые назвали себя более религиозными, в меньшей степени склонны демонстрировать символику, нежели индивиды, религиозными себя не считающие.

Таблица 11. Влияние религиозности на ношение или вывешивание символики какой-либо акции или организации

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Религиозная аффилиация (в сравнении с респондентами без религиозной аффилиации)					
Православие	-0,608** (0,291)	-0,365 (0,222)			
Ислам	-0,749 (0,544)	-0,195 (0,449)			
Буддизм	0 (0)	0 (0)			
Католицизм	0 (0)	0 (0)			
Протестантизм	0,094 (0,846)	1,551* (0,849)			
Посещение религиозных служб	0,227** (0,098)		0,162** (0,070)		
Совершение молитвы	0,235*** (0,069)			0,103** (0,046)	
Оценка собств. религиозности	-0,197*** (0,068)				-0,074* (0,043)
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-2,871*** (0,563)	-3,251*** (0,553)	-3,422*** (0,551)	-3,352*** (0,545)	-2,986*** (0,554)
N	1,870	1,870	1,883	1,883	1,883

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Схожим образом религиозность влияет и на склонность индивида подписывать *петиции* и открытые письма (табл. 12). Посещение церкви и совершение молитвы оказывают положительный эффект: разница шансов 24% при изменении частоты посещения

религиозных мероприятий в полной модели (23% в неполной) и 14% – при изменении частоты совершения молитвы (13% в неполной). В то же время межконфессиональная разница существует только между атеистами и православными, которые и к подписанию петиций относятся негативнее атеистов. Принадлежность к православию снижает шансы на подписание петиций на 36% в сравнении с атеистами при зафиксированных других религиозных предикторах.

Таблица 12. Влияние религиозности на подписание петиций, обращений, открытых писем

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Религиозная аффилиация (в сравнении с респондентами без религиозной аффилиации)					
Православие	-0,454* (0,270)	-0,100 (0,212)			
Ислам	-0,049 (0,363)	0,564 (0,345)			
Буддизм	0,847 (0,833)	1,322 (0,822)			
Католицизм	0 (0)	0 (0)			
Протестантизм	0 (0)	0 (0)			
Посещение религиозных служб	0,216** (0,097)		0,209*** (0,070)		
Совершение молитвы	0,135** (0,058)			0,121*** (0,041)	
Оценка собств. религиозности	-0,074 (0,050)				0,023 (0,036)
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-2,956*** (0,522)	-3,089*** (0,509)	-3,232*** (0,506)	-3,112*** (0,498)	-3,076*** (0,514)
N	1,871	1,871	1,883	1,883	1,883

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Участие в демонстрациях, как показано в табл. 13, по сути, зависит только от частоты посещения храма: изменение частоты посещения религиозных мероприятий дает 57%-е изменение шансов на участие в демонстрациях (39% в неполной модели). В неполной модели значимым является также совершение молитвы, но только на 90%-м уровне значимости (9% разница шансов). Таким образом, люди, которые ходят на религиозные службы, больше склонны ходить и на митинги, чем те, кто религиозные мероприятия не посещает.

Наконец, в табл. 14 показано, что **бойкотирование продукции** находится в положительной взаимосвязи с частотой посещения религиозных мероприятий (34% и 35%

разница шансов в полной и неполной моделях соответственно) и совершения молитвы (только в неполной модели, разница шансов 15%). Разница в отношении к бойкоту между атеистами и мусульманами, заметная в неполной модели, пропадает при включении других религиозных предикторов.

Таблица 13. Влияние религиозности на участие в разрешенных демонстрациях

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Религиозная аффилиация (в сравнении с респондентами без религиозной аффилиации)					
Православие	-0,223 (0,337)	-0,037 (0,268)			
Ислам	-0,359 (0,518)	0,208 (0,498)			
Буддизм	0,815 (1,141)	1,037 (1,089)			
Католицизм	0 (0)	0 (0)			
Протестантизм	0,694 (0,889)	2,224** (0,866)			
Посещение религиозных служб	0,450*** (0,111)		0,330*** (0,086)		
Совершение молитвы	-0,006 (0,076)			0,088* (0,053)	
Оценка собств. религиозности	-0,098 (0,061)				0,016 (0,045)
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-4,513*** (0,700)	-4,525*** (0,678)	-4,753*** (0,680)	-4,387*** (0,660)	-4,364*** (0,681)
N	1,880	1,880	1,883	1,883	1,883

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Подводя итоги, можно заметить, что православные и мусульмане оказываются менее активными политически, нежели условные атеисты. Мусульмане меньше, чем атеисты, голосуют, а православные меньше участвуют в работе партий и общественных организаций, реже атеистов подписывают петиции и не носят политическую символику. Важно заметить, что все эти различия проявляются при учете степени религиозности респондента и не являются следствием просто представлений индивида о себе как о представителе той или иной конфессии. Таким образом, существование межконфессиональных различий в политическом участии подтверждается статистически.

Религиозность, представленная как частота посещения религиозных служб, позитивно влияет на склонность индивида ко всем исследуемым видам политического активизма, кроме голосования и участия в партийной работе. Коэффициенты при этой переменной оказались

значимы как в сочетании с другими религиозными предикторами, так и при включении в модель по отдельности. Частота совершения молитвы, как правило, связана с теми же видами политического участия, что и посещение храма. Однако молитва является более слабым предиктором: в моделях со всеми религиозными предикторами ее эффект перекрывается посещением религиозных мероприятий, с которым эта переменная сильно коррелирует. Наиболее вероятным объяснением стабильного положительного влияния посещения религиозных служб на политическое участие может быть тот факт, что религиозно активные люди вовлечены в дела своей общины, общаются с другими верующими и в принципе являются более активными социально. С другой стороны, регулярное соблюдение религиозных норм требует от верующего ответственности и дисциплины, которые необходимы также и для того, чтобы участвовать в политике.

Таблица 14. Влияние религиозности на осуществление бойкота, отказ от покупки или потребления каких-либо товаров или услуг, чтобы выразить свой протест

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Религиозная аффилиация (в сравнении с респондентами без религиозной аффилиации)					
Православие	0,243 (0,396)	0,399 (0,297)			
Ислам	0,610 (0,499)	1,013** (0,436)			
Буддизм	1,175 (1,141)	1,401 (1,106)			
Католицизм	0 (0)	0 (0)			
Протестантизм	0,204 (1,077)	1,409 (1,058)			
Посещение религиозных служб	0,289** (0,128)		0,299*** (0,0852)		
Совершение молитвы	0,0476 (0,0785)			0,142** (0,0599)	
Оценка собств. религиозности	-0,0928 (0,0678)				0,0574 (0,0495)
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-3,228*** (0,639)	-3,336*** (0,642)	-3,313*** (0,612)	-3,083*** (0,613)	-3,142*** (0,630)
N	1,880	1,880	1,883	1,883	1,883

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Оценка индивидом собственной религиозности имеет нестабильное влияние на политическое участие: эффект прослеживается либо только в полной модели, либо только не в полной, а также различается знак регрессионного коэффициента. Все это позволяет

предположить, что оценка индивидом собственной религиозности не является хорошим предиктором политического участия, поскольку эффект присутствует не всегда и может иметь разнонаправленный характер. В дальнейшем использовать этот индикатор религиозности необходимо с осторожностью.

Проверка устойчивости модели

Статистический анализ показал, что существуют значимые различия в политическом участии между конфессиями, а также между респондентами, которые посещают религиозные мероприятия, и теми, кто религиозные службы не посещает. Тем не менее обнаруженные различия могут исходить от какой-то одной конфессии или быть нестабильными во времени.

Чтобы проверить, устойчива ли обнаруженная взаимосвязь между религиозностью и политическим участием во времени, проводится аналогичный регрессионный анализ взаимосвязи для выборок ESS 2010 г. и 2008 г. В качестве зависимой переменной выступает аддитивный индекс политического участия. Из табл. 15 (1) видно, что разница между православными, мусульманами и атеистами появляется только в 2012 г., когда произошло множество религиозно-светских конфликтов. В полных моделях для 2010 и 2008 г. разницы между конфессиями нет, а в неполных – православные даже немного более активны, чем атеисты. Посещение же религиозных мероприятий позитивно влияет на склонность к политическому участию во все года в неполной модели (табл.15 (2)), и в 2012 и 2008 г. в полной модели. «Перерыв» во влиянии в 2010 г. в полной модели «заполняется» сходным эффектом от совершения молитвы. В неполной модели (табл. 15 (2)) совершение молитвы влияет на политическое участие во все рассмотренные года. Оценка индивидом собственной религиозности является значимым предиктором только в 2008 г., в неполных моделях значимого коэффициента не имеет.

Таким образом, можно говорить о том, что если межконфессиональные различия в политическом участии являются следствием конфликтов и противостояний 2012 г., то количественные проявления религиозности оказывают стабильный эффект во все года.

Таблица 15 (1). Проверка устойчивости модели влияния религиозности на политическое участие во времени

	Все предикторы			Только аффилиация		
	2012	2010	2008	2012	2010	2008
Религиозная аффилиация (в сравнении с респондентами без религиозной аффилиации)						
Православие	-0,141** (0,061)	0,057 (0,057)	0,044 (0,054)	-0,027 (0,049)	0,112** (0,048)	0,082* (0,045)
Ислам	-0,205* (0,112)	-0,086 (0,112)	-0,080 (0,115)	-0,011 (0,100)	-0,031 (0,105)	-0,053 (0,106)
Буддизм	-0,069 (0,308)	0,937*** (0,277)		0,086 (0,304)	1,029*** (0,271)	
Католицизм	-0,135 (0,579)	-0,320 (0,581)	0,973*** (0,241)	-0,0293 (0,579)	-0,224 (0,579)	1,051*** (0,239)
Протестантизм	-0,204 (0,318)	-0,163 (0,709)	-0,084 (0,581)	0,311 (0,305)	-0,138 (0,709)	0,056 (0,579)
Посещение религиозных служб	0,100*** (0,023)	0,004 (0,022)	0,081*** (0,022)			
Совершение молитвы	0,024 (0,014)	0,031** (0,013)	0,017 (0,013)			
Оценка собств. религиозности	-0,017 (0,012)	-0,004 (0,011)	-0,033*** (0,011)			
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-0,693*** (0,128)	-0,897*** (0,117)	-0,695*** (0,111)	-0,712*** (0,124)	-0,919*** (0,113)	-0,738*** (0,108)
N	1,883	2,108	2,091	1,883	2,108	2,091

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Таблица 15 (2). Проверка устойчивости модели влияния религиозности на политическое участие во времени

	Все предикторы			Только аффилиация		
	2012	2010	2008	2012	2010	2008
Посещение религиозных служб	0,079*** (0,017)	0,040** (0,018)	0,068*** (0,017)			
Совершение молитвы				0,030*** (0,010)	0,035*** (0,010)	0,027*** (0,010)
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-0,785*** (0,124)	-0,894*** (0,112)	-0,765*** (0,108)	-0,728*** (0,122)	-0,877*** (0,111)	-0,713*** (0,107)
N	1,883	2,108	2,091	1,883	2,108	2,091

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Несмотря на то, что влияние количественных проявлений религиозности на политическое участие стабильно во все года, разница в политическом участии между слабо религиозными и сильно религиозными людьми может быть следствием специфики одной из религиозных групп. Чтобы убедиться, что посещение религиозных мероприятий и совершение молитвы оказывает одинаковый эффект и на православных респондентов, и на мусульман, и даже на атеистов, не принадлежащих ни к одной из конфессий, построим ту же самую модель с индексом политического участия в качестве зависимой переменной для этих групп респондентов по отдельности. Таблица 16 (1) иллюстрирует, что положительный эффект от посещения религиозных служб характерен и для православных, и для мусульман. Интересно, что даже для респондентов, не принадлежащих ни к какой религиозной традиции, характерна положительная взаимосвязь между посещением религиозных служб и политическим участием. Иными словами, человек, который не считает себя последователем какой-либо религиозной традиции, но хоть изредка заглядывающий в храм, будет более склонен к политическому участию, чем абсолютный атеист. Нелогичный, на первый взгляд, эффект вполне объясним, если мы представим этих «атеистов» как колеблющихся между верой и неверием и изредка посещающих религиозные мероприятия. В таком случае как религиозное, так и политическое участие в этой группе будет следствием, возможно, любопытства или привычки куда-то ходить: в церковь, мечеть, на демонстрацию или выборы. Для православных респондентов эффект от посещения храма гораздо меньше, чем для «атеистов» и мусульман.

Частота совершения молитвы совсем не влияет на склонность к политическому участию среди мусульман, поскольку в этой религиозной традиции регулярная молитва является обязательной (табл. 16 (2)). Стабильно этот религиозный фактор влияет только на православных респондентов, причем эффект очень слаб. Политическое участие атеистов зависит от совершения молитвы только в неполной модели, а в полной мы, скорее всего, снова видим перекрытие эффекта этой переменной частотой посещения религиозных мероприятий.

Оценка собственной религиозности снова имеет неустойчивый характер влияния на склонность к политическому участию: на православных в полной модели она оказывает негативное влияние, а на мусульман в неполной – положительное. Таким образом, снова подтверждается ненадежность этого измерения религиозности.

Таблица 16 (1). Проверка устойчивости модели влияния религиозности на политическое участие по конфессиям

	Все предикторы			Посещение религиозных служб		
	Без религиозной традиции	Православие	Ислам	Без религиозной традиции	Православие	Ислам
Посещение религиозных служб	0,137*** (0,038)	0,062* (0,032)	0,130** (0,063)	0,136*** (0,032)	0,064** (0,027)	0,130** (0,051)
Совершение молитвы	0,011 (0,032)	0,038** (0,017)	-0,035 (0,051)			
Оценка собств. религиозности	-0,010 (0,017)	-0,035* (0,018)	0,063 (0,046)			
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-0,845*** (0,185)	-0,360* (0,200)	-2,612*** (0,625)	-0,873*** (0,179)	-0,483** (0,189)	-2,313*** (0,564)
N	805	936	120	805	936	120

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Таблица 16 (2). Проверка устойчивости модели влияния религиозности на политическое участие по конфессиям

	Все предикторы			Посещение религиозных служб		
	Без религиозной традиции	Православие	Ислам	Без религиозной традиции	Православие	Ислам
Совершение молитвы	0,059** (0,026)	0,039*** (0,015)	0,050 (0,041)			
Оценка собств. религиозности				0,016 (0,015)	-0,004 (0,016)	0,083** (0,042)
Контроли	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Константа	-0,849*** (0,179)	-0,445** (0,185)	-2,143*** (0,556)	-0,899*** (0,185)	-0,376* (0,199)	-2,473*** (0,607)
N	805	936	120	805	936	120

В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Суммируя, нужно отметить, что межконфессиональные различия в склонности к политическому участию действительно существуют, однако появляются эти различия только в выборке 2012 г. и не являются устойчивыми.

Влияние частоты посещения религиозных мероприятий на политическое участие является устойчивым и во времени, и по отдельным религиозным группам (условные

атеисты, православные, мусульмане). Немного хуже объясняет политическое участие регулярность совершения молитвы, поскольку этот индикатор сильно коррелирует с посещением религиозных служб и перекрывается эффектом этой переменной. Оценка индивидом собственной религиозности является крайне неустойчивым предиктором, как во времени, так и в отдельных религиозных группах.

Качественный анализ взаимосвязи религиозности и политического участия: политика в общинах

Описание данных и методов

Результаты, полученные в ходе статистического анализа, показывают наличие значимых различий в политическом участии между православными, мусульманами и атеистами, а также между теми, кто регулярно посещает религиозные мероприятия и молится, и теми, кто этого не делает. Для выявления причин этих различий и механизмов влияния религиозности на политическое участие в современной России была проведена серия глубинных интервью с православными и мусульманскими священнослужителями Москвы.

В выборку вошли 20 православных приходов Москвы, а также семь мусульманских религиозных общин. Выборка исследования небольшая, поскольку целью является объяснение полученных результатов, а не репрезентация. Для отбора православных общин была составлена база действующих православных приходов Москвы, куда вошло более 200 храмов с общинами. В базу включались только храмы с постоянной общиной, не включались часовни при больницах и новые храмы, пока не имеющие своей общины. Далее база православных приходов была разделена на две группы по территориальному признаку: в первую группу вошли храмы Центрального административного округа Москвы (ЦАО), а во вторую – других административных округов, включая Новую Москву. Группы были выделены на основании предположения о разнородности «центральных» и «периферийных» общин, поскольку общины в ЦАО с большей вероятностью будут сильными и сплоченными, чем общины в спальных районах, что может оказывать влияние на политическое участие. Принадлежность к «центральной» общине – это, как правило, следствие осознанного выбора, в то время как храмы в спальных районах индивиды посещают в силу территориальной доступности, и крепкая община там складывается редко [Забаяев, Пруцкова, 2013]. С другой стороны, можно ожидать, что социально-экономический статус прихожан «центральных» приходов будет выше, чем у прихожан из спальных районов, что может являться источником разницы в отношении общин к политическому участию. Внутри территориальных групп отбор в выборку производился методом рандомизации, чтобы обеспечить случайный набор

исследуемых общин и возможное разнообразие мнений их представителей. Таким образом, в итоговую выборку по православным общинам вошло десять приходов из ЦАО, по две общины из ЗАО, СВАО и ЮЗАО, а также по одной из САО, ЮАО, СЗАО, ЮВАО.

Так как в Москве только семь официальных религиозных общин мусульман, то дополнительный отбор не проводился – были опрошены представители всех общин.

Вопросы гайда затрагивают тему отношения к политике и политическому участию в конкретной общине, поэтому и среди православных общин, и среди мусульманских отбор представителя каждой общины не производился – интервью проводилось по принципу доступности. В данном конкретном исследовании это кажется допустимым, поскольку предметом интереса выступает не репрезентация мнений московских священнослужителей относительно взаимосвязи религиозности и политического участия вообще, но выявление отношения к политике в конкретных общинах.

В гайд вошли вопросы, посвященные отношению к политике внутри общины, политическому участию и восприятию России. Формат полуструктурированного интервью позволяет уточнять идеи, высказанные информантом, а также задавать дополнительные вопросы для более полного понимания ответа. Гайды для православных и мусульман различались, поскольку различается и специфика политического участия между этими религиозными группами.

Контакт с общинами из выборки устанавливался по телефону, либо при посещении храма или мечети. Все интервью были проведены по телефону по предварительной договоренности с информантами и с использованием диктофона. Средняя продолжительность интервью 35 минут. Информанты охотно шли на контакт, старались максимально полно отвечать на вопросы. Информация о религиозных общинах, которые представляют священнослужители, не раскрывается из соображений конфиденциальности. Интервью были проведены в период с февраля по март 2014 г.

Чтобы уточнить восприятие политики и политического активизма внутри общин, а также наличие возможного влияния представлений религиозных лидеров на предпочтения рядовых членов общины, информантам также задавались вопросы про специфику восприятия политики и активизма внутри общины. Гайд для православных священнослужителей Москвы включал следующие вопросы:

1. Есть ли в Вашем приходе какое-то устоявшееся отношение к политическому участию? Принимают ли прихожане какое-то участие в политике?
2. Говорите ли Вы с прихожанами о политике? О том, как лучше воспринимать происходящие события?

3. Православные россияне, которые посещают службы, больше склонны к политическому участию, чем «неактивные» православные. На основании Вашего опыта общения с прихожанами, как Вам кажется, почему проявляется такая разница?

3.1. Может быть, повышенная склонность к политическому участию – это следствие ответственности и самодисциплины, необходимых для регулярного посещения храма?

3.2. Может быть, это следствие вовлеченности в дела прихода, в какое-то социальное служение?

3.3. Как Вы считаете, почему люди, которые называют себя православными и не ходят в церковь, меньше склонны к участию в политике?

4. Православные респонденты, которые регулярно совершают молитву, также оказываются более склонными к политическому участию, чем те, кто не молятся. На основании Вашего опыта общения с прихожанами, как Вы считаете, почему?

4.1. Может ли эта повышенная склонность к политическому участию быть следствием самодисциплины или какого-то варианта заботы о других людях и мире, выраженной в форме молитвы?

5. Притом что посещение религиозных мероприятий и совершение молитвы положительно влияет на политическое участие, православные россияне оказываются менее склонными к политическому участию, чем условные атеисты. На основании Вашего опыта общения с прихожанами, как Вы считаете, почему?

5.1. Может ли это быть следствием наличия каких-то стереотипов о том, как православный человек вести себя должен, а как не должен?

Гайд для представителей мусульманских общин немного отличался от «православного», но в целом имел похожие структуру и содержание:

1. Есть ли в Вашей общине какое-то устоявшееся отношение к политическому участию? Принимают ли члены общины какое-то участие в политике?

2. Говорите ли Вы с членами общины о политике? О том, как лучше воспринимать происходящие события?

3. В России мусульмане, которые посещают религиозные мероприятия, больше склонны к политическому участию, чем «неактивные» мусульмане. На основании Вашего опыта общения с членами общины, как Вам кажется, почему проявляется такая разница?

3.1. Может быть, повышенная склонность к политическому участию – это следствие ответственности и самодисциплины, необходимых для регулярного посещения религиозных мероприятий?

3.2. Может быть, это следствие вовлеченности в дела общины?

3.3. Как вы считаете, почему люди, которые называют себя мусульманами и не посещают мечеть, меньше склонны к участию в политике?

4. Притом что посещение религиозных мероприятий положительно влияет на политическое участие, мусульмане оказываются менее склонными к политическому участию, чем условные атеисты. На основании Вашего опыта общения с членами общины, как Вы считаете, почему? Как Вам кажется, почему мусульмане гораздо меньше склонны к голосованию на выборах, чем атеисты?

4.1. Может ли это быть следствием наличия каких-то стереотипов о том, как мусульманин вести себя должен, а как не должен?

Всем информантам были заданы следующие вопросы про отношение к политике и политической сфере жизни страны:

1. Какой Вам представляется современная Россия?

2. Назовите три события в истории нашей страны, которые Вы считаете унижительными для России, которые вызывают в Вас (как, в первую очередь, в гражданине) чувства позора, стыда и/или сожаления?

2.1. Могли бы Вы назвать такое событие в истории современной России?

3. Назовите три события в истории нашей страны, которые Вы не просто одобряете, но считаете возвеличивающими Россию, которые вызывают в Вас (как, в первую очередь, в гражданине) чувства гордости, уважения и самоуважения?

3.1. Могли бы Вы назвать такое событие в истории современной России?

4. Как Вы относитесь к распаду СССР?

5. Что для Вас означает жить в демократической стране? Какую страну Вы могли бы назвать демократической?

6. Каким Вам представляется будущее России? Что, на Ваш взгляд, изменится через 20 лет? Какая это будет страна?

Анализ интервью с представителями православных общин

На основании интервью с православными священнослужителями можно сделать вывод, что в российских православных общинах, как минимум в московских, о политике говорят. Причем говорят много и часто. Так, абсолютно все опрошенные священники сказали, что прихожане часто задают вопросы о политике, к примеру, как относиться к происходящим в мире событиям. Политический кризис на Украине вызвал множество вопросов со стороны верующих о том, какую сторону противостояния поддерживать, почему

и как объяснить это несогласным родственникам и друзьям. Если изначально работа строилась на осторожном предположении о том, что политические вопросы в российских общинах поднимаются только в личной беседе между священнослужителем и верующим, то результаты интервью демонстрируют, что политика может проявляться и в проповедях. К примеру, в одной из нецентральных общин перед выборами в Госдуму в 1995 и 1999 г., а также перед президентскими выборами, когда существовала опасность победы Зюганова и возвращения к идеологии коммунизма, отец-настоятель открытым текстом в проповеди говорил о недопустимости для православного человека голосования за коммунистов. Тот же священник, говоря о 2000-х, рассказал, что в его общине всегда открыто поддерживают православных кандидатов на выборах всех уровней и активно выступают против «безбожников». «Мы, конечно, ни за кого не агитируем, ну если только человек какой-то, безбожник, вред несет, о будущем страны не думает, то мы, конечно, говорим, что за него не надо голосовать». Так, представители большинства исследуемых общин, так или иначе, сказали, что в их общинах в предвыборный период возможна агитация за какую-то политическую силу, а также призывы «пойти и проголосовать». Если священник, ведущий службу, не считает для себя возможным открыто призывать прихожан к голосованию, он может сделать это в завуалированной форме – сделав акцент на том, «какая в данный момент сложилась ситуация и как важно сейчас действовать». Хорошим примером в этой связи будет рассказ одного из респондентов о знакомом священнике из Крыма, который на проповеди во время Воскресной службы в день референдума о присоединении Крыма к России призвал прихожан не оставаться равнодушными и выразить свое мнение путем голосования.

Нельзя однозначно утверждать, что во всех московских православных общинах существует определенное отношение к политическому участию. Отношение к политике и «коридор возможностей» политического активизма в каждой конкретной общине будет сильно зависеть от личности отца-настоятеля. Так, больше половины информантов из «центральных» приходов выразили одобрение политическому участию как проявлению гражданской ответственности, а также заметили, что в их общинах к политическому активизму относятся положительно. Священник из ЦАО с ярко выраженной социально активной позицией сказал, что сам призывает прихожан, недовольных чем-то в стране, выражать свое мнение, поскольку «отношение к миру должно быть деятельным и не сводиться исключительно к получению услуг». Другой информант, также из «центрального» прихода, выразил сожаление, что так мало людей в России, в том числе и из его прихода, участвуют в протестных мероприятиях: «... такое чувство, что люди выходят только в Москве, в регионах все равнодушно, это неправильно». Однако все остальные опрошенные

священнослужители оказались не столь позитивно настроенными к протестным движениям и выразили мнение, что в их приходах «протестовать не принято». Вообще же православная религиозная традиция в понимании большинства опрошенных принципиально не приемлет протестов: «... православный человек не пойдет на митинг против чего-то, он может действовать только в защиту». «Свержение власти, протесты – это не для нас. У нас другая цель. Поэтому на Болотной не было православных». Именно такое отношение к направленности политического участия данные информанты транслируют внутри своих общин. Более того, протестное политическое участие, как, например, выход на демонстрацию, является для православного человека крайней мерой: «... только если уж детям кушать нечего будет, тогда выйдем». К руководству страны в общинах относятся одобрительно, особенно высоко ценят В. Путина, который «действует глобально, но как православный» (про присоединение Крыма и приуроченную речь президента). Представители общин понимают, что финансово сильно зависят от государства и заинтересованы в продолжении сегодняшнего курса на поддержку православия как консолидирующей идеи. «Для Церкви хорошо, когда государство сильное», – так информант объяснил причины поддержки курса В. Путина членами прихода. Таким образом, подтверждается предположение о том, что последователи РПЦ, находясь в финансовой зависимости от государства, в своих политических предпочтениях окажутся государственниками, чье политическое участие может быть направлено только на сохранение статус-кво. Пока государство создает выгодные условия для РПЦ, поддерживает православные ценности, члены православных приходов будут поддерживать его, причем до тех пор, пока не возникнет непосредственный риск голода.

Положительную взаимосвязь участия религиозного и политического православные священнослужители связывают с более высоким уровнем самодисциплины и ответственности, которые характерны для воцерковленных людей. Также вовлеченность в дела общины подразумевает постоянные социальные контакты с другими прихожанами, вовлеченность в какое-то социальное служение, например, помощь бедным, что может положительно сказываться на желании человека участвовать в политике. Подобная взаимосвязь может быть следствием того, что человек будет больше думать об общественной справедливости и захочет изменить что-то в стране в целом, к примеру, через участие в работе общественной организации. С другой стороны, вовлеченность в дела прихода и социальное служение, как правило, дает обратный эффект: у человека просто не остается времени на политическое участие. Подобная проблема характерна и для священнослужителей: «Выборы все время в воскресенье, и священники хотели бы проголосовать, но не могут, потому что весь день заняты. Это вообще самый сложный день

недели. Поэтому священники других призывают голосовать, а сами не голосуют». Православная традиция предписывает верующему человеку воскресный день проводить, отказавшись от мирских дел, размышляя о Боге и самосовершенствуясь. Очевидно, что участие в выборах в эту категорию не попадает. Действительно верующий человек, для которого религия важна, предпочтет провести больше времени в молитве, чем пойти на демонстрацию. Таким образом, становится понятным, почему православные оказываются в целом менее склонными к участию в политике, чем атеисты.

Положительное влияние совершения молитвы на склонность к политическому участию информанты объяснили по-разному. Во-первых, подобная взаимосвязь может быть следствием того, что «молитва – это прошение о том, чтобы у всех все было хорошо». Иными словами, это аналог заботы о других людях. Соответственно верующие, которые молятся, более дисциплинированы и больше думают о других. Во-вторых, регулярное совершение молитвы, как правило, оказывается связанным с чтением священных текстов. Таким образом, человек, который регулярно совершает молитву, просто лучше информирован о христианстве, и православии в частности, и знает, что его религиозная традиция политическое участие не только не запрещает, но и в некоторых случаях поощряет. «Православные в принципе стараются участвовать в политической жизни страны, поскольку в христианстве есть идея об ответственности за свои решения. Поэтому решения нужно принимать и в общественной жизни участвовать». Люди же, которые относят себя к православию, но в храм не ходят и священных текстов не читают, строят свои представления о допустимости политического участия на основании стереотипов. Другим объяснением низкого уровня политического участия среди невоцерковленных православных может быть то, что эти индивиды воспринимают весь окружающий мир как сферу услуг, от представителей которой можно получить необходимое, но участвовать в которой не обязательно. Также невоцерковленные православные могут быть менее склонными к политическому участию из-за отсутствия вовлеченности в социальные отношения, которые предоставляет община. «Они более эгоистичные, думают только о себе и своей карьере, но не о других людях. Им и на государство-то наплевать».

Говоря о политических предпочтениях стоит отметить, что православные священнослужители в целом довольно позитивно оценивают сегодняшнюю Россию: курс на сближение государства и церкви им однозначно нравится. Так, информанты среди характеристик России сегодня назвали такие факторы, как «подъем с колен», возрождение духовности, «возвращение самостоятельности и величия страны». Более кратко эти идеи представлены в ответе одного из священников нецентрального прихода: «... современная Россия – сильная, независимая, духовная». Таким образом, мы можем сделать

предварительный вывод о том, что православные клирики нынешним состоянием политической сферы жизни страны довольны, и повода для проявления политической ностальгии у них нет. Однако последующие вопросы, направленные на уточнение отдельных аспектов позитивного восприятия современной России, демонстрируют, что удовлетворенность состоянием духовной сферы сочетается с ярко выраженным негативным отношением к функционированию государства в сфере социальной и идеализированием прошлых побед.

В прошлом России православные священнослужители склонны высоко ценить военные победы: среди неоднократно названных – Отечественная война 1812 г., Крымская война, ВОВ, «военная помощь братьям-славянам в период Российской Империи». Иными словами, идеализируется проявление силы и военной мощи государства, а также панславизм. Характерной особенностью священнослужителей является упоминание важных церковных событий, прежде всего Крещения Руси как поворотного момента в истории страны. Любопытно, что гордость вызывают и культурно-спортивные достижения периода СССР, особенно балет и хоккей, и даже «достижения в науке». Наличие подобной точки зрения свидетельствуют о том, что население России характеризуется высокой ценностной однородностью: даже священники, которые склонны в целом негативно характеризовать период СССР, признают высокие светские достижения этого времени, наравне с военными победами более отдаленного прошлого.

В современной России гордость вызывает присоединение Крыма как «возвращение былого величия» и религиозное возрождение постсоветского периода. Практически все информанты (кроме двух представителей самых либеральных общин из центра Москвы) отметили возвращение Крыма в качестве самого важного события последних лет, а один информант даже связал его с развитием флота в Севастополе. Обобщая мнения информантов, можно сказать, что присоединение Крыма является практически единственным позитивным событием в новейшей истории России, которое даже может перекрывать своей значимостью проблемы во внутренней политике. Так, один из информантов в ответ на вопрос о том, чем можно гордиться в современной России, ответил следующее: «Вот раньше много чего было, а сейчас только Крым! А больше я ничего и назвать не могу! Современная Россия – это такое странное государство, которое о людях не заботится». «Да, мы сильная страна, но не все правильно во внутренней политике: большое расслоение, это несправедливо».

Таким образом, проявляется противоречие между восстановлением величия и выполнением государством своих функций. Так, среди негативных событий нынешнего этапа развития страны информанты назвали кризис 1998 г. («государство подставило

население, финансисты неумелые», а также ослабление влияния страны на мировой арене («в начале 1990-х страна впала в зависимость от США и других западных стран»).

Распад СССР также вызывает скорее сожаление из-за потерь территорий, нежели радость от падения коммунистического режима, враждебного религии. «Наверное, это [распад СССР] было необходимо, но грустно из-за последствий – чеченская война». «С одной стороны, я не терплю коммунизм и рад, что этот режим рухнул. С другой, очень жаль, что потеряли дружественные страны, оставшиеся СССР после Российской Империи. Того, что сейчас происходит в Украине, могло бы и не быть, если бы все сложилось по-другому, и была бы сильная власть». «Это был безбожный режим. Начальный период существования – консервация нравственных ценностей, заложенных православием. Затем – гонения на религию, ГУЛАГ, усталость и жажда стабильности после ВОВ. Как раз тогда консервация осуществляется уже за счет законов, но когда законы слабеют, заместителя нравственности нет. Появляются наркотики, алкоголь. Режим не жалко, люди не жили лучше, потому что без религии. Но при этом жалко распада большой страны, ведь это была прекрасная основа».

Если в качестве позитивных событий информанты называли преимущественно военные победы, то негативные события включали в себя народные бунты (Пугачевское восстание, смута) и революции, т.е. проявление государством слабости. Самым распространенным ответом на этот вопрос среди православных священнослужителей предсказуемо стала Октябрьская революция, воспринимаемая как «катастрофа и предательство» и свержение монархии, что впоследствии привело к гонениям на церковь в советский период.

Анализ интервью с представителями мусульманских общин

Согласно результатам статистического анализа, мусульмане оказываются менее активными в голосовании, чем атеисты и даже православные россияне, хотя практически на всех выборах последних лет мусульманские регионы показывали самую высокую явку по стране. Однако в выборке ESS респонденты-мусульмане были преимущественно из Центрального и Приволжского федеральных округов, на что нужно делать поправку при анализе.

По аналогии с православными священниками мусульманские религиозные лидеры общин Москвы объясняют низкие уровни политического участия среди мусульман ориентированностью на правильную религиозную жизнь, а не политический активизм. Положительный эффект религиозного участия на участие политическое среди мусульман также объясняется следствием вовлеченности в социальные отношения: участие

в мероприятиях общины дает чувство сопричастности с другими членами общины и может приводить к повышению гражданской ответственности. Если же мечеть не посещают мусульмане, для которых Москва не является родным городом, то «для таких людей политика значит очень мало, потому что они выдернуты из привычной среды обитания, круга общения» и привычных смыслов. Тем не менее в выборке Европейского социального исследования все респонденты являются гражданами России, обладают политическими правами и должны в какой-то мере ассоциировать себя со страной и участвовать в ее жизни. Если на политическое участие мусульман негативно влияет дестабилизирующий фактор внутренней миграции, то непонятно, почему внутренняя миграция не влияет также и на представителей других конфессий и атеистов, которые тоже переселяются в незнакомые места с потенциально враждебным окружением.

Как и предполагалось, члены мусульманских общин в целом положительно относятся к современной российской власти, поддерживают ее. Патерналистские настроения в этом случае выглядят более обоснованной предпосылкой низкого участия среди мусульман. Таким образом, абсентеизм может быть эквивалентом «молчаливого согласия» с проводимой государственной политикой: как и православные верующие, мусульмане не будут протестовать против политики власти, пока ситуация не станет невыносимой. С другой стороны, мусульмане в сравнении с православными к возвращению Крыма относятся более сдержанно, более осторожны в оценках. Для них скорее важна «возможность диалога между религиозными общинами и государством», появившаяся после распада СССР. Тем не менее распад СССР привел и к центробежным тенденциям в этнических республиках, что «привело к войне в Чечне» – часто называемому негативному событию из новейшей истории страны.

К демократии и у православных священнослужителей, и у мусульман отношение сдержанное: как форма правления демократия плоха, но альтернатив из-за невозможности возвращения к монархии пока нет, поэтому верующим нужно быть ответственными и в политике участвовать. Современная Россия воспринимается как довольно демократическая страна, основной проблемой которой является отсутствие социальной справедливости и сильное имущественное расслоение. В будущем Россия видится респондентам сильной страной, которую уважают на международной арене, а она оказывает другим помощь.

Подводя итоги, следует отметить, что религиозность может влиять на политическое участие как через социальные механизмы (вовлеченность в социальные отношения и социальное служение, поддержка определенных типов политического участия внутри общины), так и через индивидуальные механизмы: чувство долга и ответственности.

Влияние политических теологий невелико, поскольку большинство последователей с ними незнакомо, в то время как позиция общины и ее религиозного лидера по какому-то вопросу может иметь определяющий эффект на склонность индивида к политическому участию. В подтверждение тезиса Ю. Синелиной о ценностной близости православных и мусульман [Синелина, 2009] можно заметить, что московские представители общин этих конфессий очень близки в своей аргументации специфики взаимосвязи религиозности и политического участия, а также в своем отношении к политической сфере жизни общества.

Заключение

Результаты статистического анализа демонстрируют, что и в России религиозность и политическое участие находятся во взаимосвязи. Так, православные и мусульмане при прочих равных менее активны политически в сравнении с условными атеистами, однако эта разница в политическом участии появляется только в 2012 г., возможно, как следствие многочисленных политических скандалов этого избирательного цикла. При этом религиозное участие увеличивает вероятность участия политического. Этот религиозный предиктор стабилен во времени, а также оказывает сходное воздействие на все основные группы респондентов: православных, мусульман и атеистов. Таким образом, люди, которые не считают себя последователями какой-либо религиозной традиции, окажутся более активными политически, если изредка будут посещать религиозные мероприятия. Для православных респондентов эффект религиозного участия на склонность к политическому меньше, чем для атеистов и мусульман, однако он существует и он стабилен. Московские православные священники связывают это с вовлеченностью «активных верующих» в социальные отношения внутри прихода, что положительно влияет на уровень их гражданской ответственности. Положительную связь между политическим участием и совершением молитвы православный клир объясняет тем, что верующие, которые регулярно совершают молитву, как правило, и уделяют время чтению священных текстов и религиозному самообразованию. Близкое знакомство с христианской религиозной традицией и ее историей приводит к пониманию того, что христианство не только не запрещает участвовать в политике, но призывает быть активным и бороться за справедливость. Однако связь религиозности и политического участия для православия совсем не линейна: наиболее религиозные люди предпочитают уделять все свое время религиозным практикам, а не политическим действиям. Более того, верующие, активно вовлеченные в дела прихода и социальное служение, как правило, не имеют времени для участия в политике, за исключением сотрудничества с общественными организациями, если их деятельность пресекается в рамках приходской социальной активности.

Низкая политическая активность мусульман, не посещающих мечеть, объясняется тем, что они менее вовлечены в социальные отношения, не знакомы с общиной, а значит, не чувствуют себя и частью другой, большой, социальной группы. Полученный эффект может быть следствием того, что значительная часть мусульман из выборки ESS являются внутренними мигрантами без регистрации и живут вдали от родственников, не чувствуя связи с происходящими социально-политическими событиями. Тем не менее все респонденты из выборки являются гражданами России, а значит, должны обладать политическими правами и некоторой заинтересованностью в государственных делах. Внутренняя миграция кажется довольно спорным обоснованием низкого уровня политической активности мусульман, поскольку внутренней миграции подвержены все конфессиональные группы России и, конечно, атеисты. Возможно, что для мусульман отрыв от родных мест приводит к социально-политическому равнодушию.

Проведенные среди православных и мусульманских священнослужителей Москвы интервью показывают, что политические вопросы в религиозных общинах занимают важное место. В этих российских религиозных общинах о политике говорят, причем не только в формате личной беседы священнослужителя с верующим, ответов на вопросы, но и в формате проповеди. Таким образом, отношение общины к политике, а также позиция духовного лидера по поводу идеального политического устройства могут влиять на ценности и предпочтения рядовых членов общины: они будут более склонны вести себя в соответствии с ценностями своей религиозной группы. В этой же логике наличие синдрома политической ностальгии среди религиозных лидеров может приводить к его появлению и у рядовых членов общины. Несмотря на довольно высокие оценки политических инициатив действующего руководства страны во внешней политике и одобрение деятельности В.В. Путина в частности, политика внутренняя является предметом для критики даже в этой лояльно настроенной группе населения. Отсутствие социальных гарантий и высокий уровень имущественного неравенства заставляют даже священнослужителей, довольных современным подъемом духовности, обратиться к прошлому в поисках идеала политического устройства. Распад СССР, который должен был бы восприниматься респондентами исключительно позитивно, на практике вызывает еще и сожаление о потере территорий, принадлежавших Российской Империи. Иными словами, специфика синдрома политической ностальгии среди священнослужителей состоит в идеализации периода, когда страна была «Великой державой», способной одерживать военные победы и проявлять силу. Можно заключить, что у представителей московского духовенства проявляется скорее не постсоветская ностальгия и даже не постимперская – и в том, и в другом периоде развития страны священнослужители видят негативные стороны. Скорее, этот вид ностальгии можно

охарактеризовать как тоску именно по абстрактной «Великой державе», символами которой могут быть как раз многочисленные военные победы и исполнение роли важного игрока на международной арене.

Данное исследование представляет собой лишь первый шаг на пути понимания специфики взаимосвязи религиозности и политического участия в современной России. Несмотря на получение предварительного положительного ответа о существовании подобной взаимосвязи, предстоит дальнейшая работа по совершенствованию инструментария, с помощью которого можно было бы измерить религиозность и непосредственно влияние религиозности на политическое участие. Необходимо также использовать более сложные статистические модели, которые позволили бы проанализировать эффект от религиозности как сочетания верований, религиозной аффилиации и религиозного поведения. Наконец, необходимым является продолжение качественного исследования механизмов взаимосвязи, чтобы выявить, как именно религиозность влияет на отношение человека к политическому участию. Прделанная работа, однако, позволяет говорить о том, что в современной России специфика взаимосвязи между религиозностью и политическим участием принципиально от западной не отличается.

Литература

Бреская А.Ю. (2011) Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социологические исследования. № 12. С. 31–34.

Гельман В.Я. Политическая культура, массовое участие и электоральное поведение: Россия в сравнительной перспективе // Проект «Звуковая энциклопедия».

Забаяев И.В., Пруцкова Е.В. (2013) Факторы формирования общины на основе прихода православного храма в начале XXI века. По данным опроса священнослужителей, социальных работников и активных прихожан храмов г. Москвы // Вестник Московского университета. № 1. С. 115–125.

Кублицкая Е.А. (2009) Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. № 4. С. 96–107.

Пруцкова Е. (2012) Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, Церковь. № 2. С. 268–293.

Синелина Ю.Ю. (2009) Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. Т. 100. № 4. С. 89–95.

Филатов С.Б., Лункин Р.Н. (2005) Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. № 6. С. 35–45.

Allport G.W., Ross J.M. (1967) Personal religious orientation and prejudice // Journal of personality and social psychology. No. 4. P. 432.

Batson C.D. (1976) Religion as prosocial: Agent or double agent? // Journal for the Scientific study of Religion. No. 29. P. 29–45.

Beyerlein K., Chaves M. (2003) The political activities of religious congregations in the United States // Journal for the Scientific Study of Religion. No. 2. P. 229–246.

Brady H.E., Verba S., Schlozman K.L. (1995) Beyond SES: A resource model of political participation // American Political Science Review. No. 02. P. 271–294.

Cho W.K.T., Gimpel J.G., Wu T. (2006) Clarifying the role of SES in political participation: Policy threat and Arab American mobilization // Journal of Politics. No. 4. P. 977–991.

Christiano K.J. (2001) Religiosity, Sociology of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Oxford: Pergamon. P. 13115–13119.

Claggett W., Pollock P.H. (2006) The modes of participation revisited, 1980–2004 // Political Research Quarterly. No. 4. P. 593–600.

Creswell J.W. (2003) Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. SAGE Publications.

Davie G. (1990) Believing without Belonging: Is This the Future of Religion in Britain? in *Implicit Religion / Le religieux implicite // Social compass*. No. 4. P. 455–469.

Driskell R., Embry E., Lyon L. (2008) Faith and Politics: The Influence of Religious Beliefs on Political Participation // *Social Science Quarterly* (Wiley-Blackwell). No. 2. P. 294–314.

Esmer Y., Pettersson T. (2007) The effects of religion and religiosity on voting behavior // *The Oxford Handbook of Political Behavior*.

ESS Round 6: European Social Survey Round 6 Data (2012). Data file edition 2.0. Norwegian Social Science Data Services, Norway – Data Archive and distributor of ESS data.

Gershtenson J. (2003) Mobilization strategies of the Democrats and Republicans, 1956-2000 // *Political Research Quarterly*. No 3. P. 293–308.

Guth J., Green J.C., Kellstedt L.A., Smidt C.E. (2002) Religion and Political Participation, Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association, American Political Science Association. P. 1–31.

Harris F.C. (1994) Something within: Religion as a mobilizer of African-American political activism // *The Journal of Politics*. No. 01 (56). P. 42–68.

Jones-Correa M.A., Leal D.L. (2001) Political participation: Does religion matter? // *Political Research Quarterly*. 2001. No. 4 (54). P. 751–770.

Jong G.F. De, Faulkner J.E., Warland R.H. (1976) Dimensions of religiosity reconsidered; Evidence from a cross-cultural study // *Social Forces*. No. 4. P. 866–889.

Knutsen O. (2004) Religious denomination and party choice in Western Europe: A comparative longitudinal study from eight countries, 1970–97 // *International Political Science Review*. No. 1 (25). P. 97–128.

Li Y., Marsh D. (2008) New Forms of Political Participation: Searching for Expert Citizens and Everyday Makers // *British Journal of Political Science*. No. 2. P. 247–272.

Macaluso T.F., Wanat J. (1979) Voting turnout & religiosity // *Polity*. No. 1. P. 158–169.

Philpott D. (2007) Explaining the political ambivalence of religion // *American Political Science Review*. No. 3. P. 505–525.

Theiss-Morse E., Hibbing J.R. (2005) Citizenship and civic engagement // *Annual Review of Political Science*. No. 8. P. 227–249.

Verba S., Nie N.H. (1972) *Participation in America: Social equality and political democracy*. N.Y.

Verba S., Schlozman K.L., Brady H.E. (1995) *Voice and equality: Civic voluntarism in American politics*. Cambridge University Press.

Wald K.D., Owen D.E., Hill S.S. (1990) Political cohesion in churches // *The Journal of Politics*. No. 1. P. 197–215.

Wielhouwer P.W. (2009) Religion and American Political Participation // The Oxford Handbook of Religion and American Politics.

Zukin C., Keeter S., Andolina M., Jenkins K., Carpini M.X.D. (2006) A new engagement? Political participation, civic life, and the changing American citizen. N.Y.: Oxford University Press.

Kulkova, A. Y.

Religiosity and political participation: the role of politics in Russian religious communities [Electronic resource] : Working paper WP14/2015/02 / A. Y. Kulkova ; National Research University Higher School of Economics. – Electronic text data (500 Kb). – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2015. – (Series WP14 “Political Theory and Political Analysis”). – 48 p. (In Russian.)

The paper investigates the interaction between religiosity and political participation in modern Russia in order to identify which of the religious predictors explain political participation better – religious affiliation or the degree of religiosity. Statistical analysis results are then interpreted using the data from in-depth interviews with representatives of Russian Orthodox Christian and Muslim religious communities. Behavioral measures of religiosity are positively and robustly connected to political participation while differences between confessions are instable and appear in 2012 only. Political issues are discussed in Russian religious communities and political participation is encouraged.

Key words: political participation, religiosity, religion and politics, political behavior, mixed methods, politics in parishes, Russia

This Working Paper is an output of a research project entitled “Syndrome of political nostalgia” in modern Russia implemented by the Laboratory for Political Studies as a part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2014.

Kulkova A.Y. – junior research fellow, Laboratory for Political Studies; postgraduate student, Department of Political Science, National Research University Higher School of Economics.

Препринт WP14/2015/02
Серия WP14
Политическая теория
и политический анализ

Кулькова Анна Юрьевна

**Религиозность и политическое участие:
роль политики в российских религиозных общинах**